

§ 9. Упадок литературы, вследствие её продажности. — Предвидимое изменение

«В литературе выражается характер общества», это избитое изречение грустным образом подтвердилось в настоящее время. Чем же должна быть литература при тех политических, экономических и философских условиях, о которых я только что говорил?

Французская литература, служившая лучшим представителем XVII и XVIII веков, после падения директории перестала идти в уровень с веком. И в самом деле, могла ли Франция 1804 года, понимать таких людей, как Боссюэт, Вольтер, или Мирабо?... Уровень общественного развития сильно и быстро упал. Лучшим писателем в то время считался Фонтан{14*} (Fontanes), а между тем, кто же читает Фонтана? — Наполеон восхищался Оссианом, но кто же в настоящее время станет читать Оссиана? — Что же оставила нам императорская литература?

Во время реставрации было два направления в литературе: одно положительное, историческое, другое — романтическое. Первое не успело достигнуть совершенства в своем развитии; второе было похоже на песню евнуха. Серьёзным произведениям нашего века суждено еще прожить некоторое время, вследствие тех материалов, которые в них заключаются, романтизм же окончательно прекратил свое существование. Шатобриан забыт, а кто бы в 1814 г. мог поверить, что такого великого человека забудут? — Много еще других писателей испытают ту же участь, многие будут в скором времени забыты потому, что память об них и теперь поддерживается только стараниями партий, да рекламами.

С 1830 г. Франция, вся углубившись в промышленные соображения, совершенно покончила с литературным преданием; с тех пор упадок в литературе шёл все быстрее и быстрее. Французская литература, изменив своему национальному духу, пристращается ко всему иностранному, вдается в подражания, коверкает и искажает французский язык. Бедность в идеях заставляет вдаваться в ложь и преувеличение, заставляет прибегать к литературным заплаткам, применять изящные формы, созданные гениями к пошлым и гнусным вещам, писать по готовым образцам подобно тому, как школьники пишут латинские стихи с помощью Gradus ad Parnassum. И это называется литературой! Для того, чтобы придать своим произведениям вид самостоятельности и глубины, — переделывают правила

искусства, унижают классиков, которых не в состоянии понять, пишут мудреные буримы, возвращаются к языку трубадуров, во имя природы воспроизводят уродство, восхваляют порок и преступление, угощают публику допотопными описаниями, декламациями и разговорами; а библиографический бюллетень дает публике отчет о всех подобных приобретениях. И это называется литературой!

Правда ли, что для большинства писателей, литература — ремесло, доходная статья, если не единственное средство пропитания? — В таком случае никакого различия нельзя и ожидать; раз, что писатель, бросив молоток, берется за перо и делается ремесленником, он должен до конца быть верным своему назначению. Он должен понять, что служить истине, ради её самой, печатать только истину, — значит восстанавлять против себя весь свет; что личный интерес велит писателю стать на сторону той или другой из властей, служить известному кружку, партии, или правительству; что прежде всего нужно научиться не затрагивать предрассудков, личных интересов и самолюбия людей. Вследствие подобного взгляда на свое назначение писатель будет следить за всеми колебаниями общественного мнения, сообразоваться со всеми видоизменениями моды; он будет заботиться об том, чтобы удовлетворить вкусу, настроению общества в данную минуту, будет курить фимиам современным кумирам и извлекать свою выгоду из всякой гнусности.{15}

Таким-то образом литература наша упала очень низко. Забыв, что главным, руководящим принципом её должно быть самопожертвование и погнавшись за барышами, она менее чем в полвека из литературы искусственной, обратилась сначала в литературу скандальную, а потом и в рабскую. Много ли у нас людей, думающих, что назначение литературы заключается в защите права, нравственности, свободы; что вне подобного назначения немыслима деятельность гения? Была ли литература когда нибудь так пуста, как в настоящее время, не смотря на все обилие поучительных событий? — В то время, когда ей следовало бы идти за веком и развиваться, она пятится назад. Преклоняясь перед золотым тельцом, или трепеща перед грозною властью, литератор заботится только об том, чтобы извлечь наиболее процентов из своего литературного капитала и для этой цели он или вступает в сделки с властями, которым подчинен, или добровольно себя обезображивает. Он забывает, что подобные средства ведут к искривлению души и убивают гения, что литератор таким образом становится простым наемником и что в подобном случае все равно, кто бы ему не платил — издатель или полиция.

Но возражают мои противники, именно для того-то чтобы возвысить положение писателя, чтобы сделать его лицом почтенным и независимым, мы и требуем установления литературной собственности... Ложь! Доказано, что установление подобной собственности, противной принципам политической экономии, гражданского и государственного права, ведет к смешению понятий о вещах продажных и непродажных, а следовательно и к развращению литературы. При том же требуется определить, в чью пользу хотят установить литературную собственность: в пользу самих литераторов, или их наследников? — Когда писатель начинает свою деятельность, то у него еще ничего нет; ему приходится самому (без посторонней помощи) строить свое гнездо. Часто ему в своих произведениях приходится идти в разрез с общественным мнением и в таком случае он должен ожидать, что будет оценен лишь после смерти. Следовательно, защитники литературной собственности имеют в виду наследников писателя; следовательно, они хлопочут об

установлении особого рода майоратов, хотят положить основание новой интеллектуальной аристократии, и, под покровом права собственности, хотят ввести организованную систему развращения и порабощения.

Рассказывают, что при разрушении Коринфа консул Муммий сказал подрядчику, который взялся за перевозку статуй: «Если ты разобьешь их, то должен будешь поставить новые!» За 145 лет до Р. Х. Римляне не умели еще делать различия между искусством и ремеслом; мы, в настоящее время, возвратились к тому, что смешиваем их. В самом деле не так ли поступаем мы вводя цеховое устройство, в феодальном его смысле, в область литературы и искусства? — Сколько есть (даже и между литераторами) людей, воображающих, что гению отнюдь не мешает получать богатое вознаграждение, и что гениальное произведение может всегда быть изготовлено по заказу, как дом, или экипаж. Посредственность рада утешать себя мыслью, что искусство падает вследствие недостатка поощрения для артистов.

Услышав, что упрекают его за то, что он не поощряет художников, лорд Пальмерстон, говорят воскликнул: «Разве мы уже перестали быть англичанами?» — Он хотел этим выразить, что поощрять искусства дело не государства, а общества. Такого же мнения и наши дилетанты. Мы думаем, что нация пользуется славой, если в состоянии купить ее; что если на перестройку Парижа употребить двенадцать миллиардов, то он будет чудом в архитектурном отношении; что литература будет процветать тогда, когда литераторы будут получать ренты.

Из упорного уподобления изящных произведений — полезным можно, впрочем, вывести мысль, которой и не подозревают защитники литературной собственности. Низведение искусства на степень промышленности нельзя ли объяснить тем, что сама промышленность поднимается на степень искусства? — Взгляните на выставки: по словам рецензентов, произведения искусства, появляющиеся на выставках, с каждым годом становятся все плоше и плоше; за то, произведения промышленности являются все более и более великолепными. Разве не принадлежат к области искусства произведения севрской или гобелинской мануфактуры? Разве искусство не проявляется во всех этих машинах, во всех этих богатых материях, во всех этих роскошно-иллюстрированных изданиях? — Разве все эти чисто утилитарные изобретения, — электрический телеграф, фотография, гальванопластика, паровая машина, машины швейные, типографские и друг. не могут стать на ряду с знаменитейшими произведениями наших художников, скульпторов и поэтов? — Разве идеал не проявляется в произведениях парижских и лионских мануфактур столько же, сколько и в произведениях наших романистов и драматургов? — Разве наконец дар слова не развился до огромных размеров у наших адвокатов, профессоров, журналистов и у множества других людей, для которых литература и красноречие вовсе не составляют ремесла? Дай-то Бог, чтобы и дар мышления получил бы такое же широкое распространение как дар красноречия! Мы ищем идеала в красноречивой речи и в красноречивом письме, которые, по нашему мнению, служат лучшими выражениями здравого, ясного мышления и чистой совести, а, сами того не замечая, уже достигли этого идеала. Мы красноречивы, как Пиндар, или как сам Феб; благодаря громадному количеству романов и периодических изданий, ежедневных, еженедельных и ежемесячных, доступных для всяких интеллигенций и для всяких карманов, изящество французской речи и сущность древней и новейшей

литературы стали достоянием всех сословий, так что никто уже не может гордиться исключительным знакомством с этими вещами. Можно ли после того удивляться, что литература и искусство уподобляются промышленности, когда всякий ремесленник может считать себя художником, когда рабочий имеет свою поэзию, а деловой человек свое красноречие? —

Итак мы живем в эпоху полной метаморфозы. Впродолжении долгого времени нам не суждено иметь ни истинной литературы, ни истинного искусства. Будут у нас должностные лица, как светские так и духовные, получающие от 1,200 до 100,000 фр. жалованья, будут наемные писаки, научившиеся правильно писать по-французски и классическим слогом трактовать по заказу о каких угодно предметах, будут у нас рисовальщики, способные подбирать краски, и ваятели, умеющие пользоваться идеями великих художников. Подобное положение конечно грустно, гнусно и глупо; но утешимся! Мало-помалу публика узнает истинную цену этой контрафакционной литературы, этого флибустьерского искусства; подделка будет преследоваться, уничтожаться и после одного или двух веков бездействия настанет наконец время возрождения.

Я от души желаю наступления этого времени. Мне самому надоела эта болтовня, это бумагомарание, это малярство. Но чтобы выйти из этого положения нужно соблюдать те законы промышленности, которые установлены революцией. Пускай авторам, изобретателям, усовершенствователям чем угодно обеспечивают способ получения вознаграждения, но пусть не вводят никаких привилегий, никаких бессрочных монополий. Везде и во всем да соблюдается принцип свободной конкуренции!

Версия #2

Зверобой создал 24 марта 2025 04:32:56

Зверобой обновил 24 марта 2025 04:38:14